Борисова Алевтина Прокофьевна

(1942)

помощник врача-эпидемиолога, участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС (1986), стаж работы в МСЧ 59 – 37 лет

награды:

медали: «Благодарное Отечество» (20 лет аварии на ЧАЭС, 2006), «В память о ликвидации катастрофы на ЧАЭС» (2011), «За добросовестный труд», «30 лет аварии на ЧАЭС» (2016);

знаки: «Победитель соцсоревнования» (1978), «Отличник здравоохранения» (1984),

«Ветеран труда» (1997), «60 лет системе Федерального Медико-Биологического Агентства» (2007), «За участие в ликвидации аварии» (2011);

Благодарственное письмо Президиума Украинского республиканского совета профсоюзов «Победителю социалистического соревнования» за доблестный самоотверженный труд при выполнении ответственных заданий по ликвидации последствий на ЧАЭС (1986);

Почетная грамота начальника МСЧ 59 за добросовестную работу по санитарно-противоэпидемическому обеспечению вахтового поселка «Белые пароходы» во время командировки в район Чернобыльской АЭС (1986)

Еще в подростковом возрасте Алла научилась делать внутривенные и внутримышечные инъекции, поскольку ее мама, Капитолина Михайловна была больна и нуждалась в регулярном лечении. Она работала медсестрой в Пачелмской районной больнице и многому из профессии научила дочь.

Алевтина Прокофьевна родилась 24 января 1942 года в поселке Пачелма Пензенской области в семье служащих. В 1959 году Алла окончила среднюю школу и поступила на фельдшерское отделение Кузнецкого медицинского училища. По окончании медучилища она была направлена в Терновскую сельскую больницу.

«Главного врача больницы не оказалось на месте, и нас встретил главный врач санэпидстанции А. Е. Мельников, - вспоминает Алевтина Прокофьевна В то время в СЭС остро не хватало специалистов, и он уговорил нас с подругой поработать помощниками санитарных врачей, о чем впоследствии я ни разу не пожалела!». В 1962 году она вышла замуж за А. Н. Борисова и родила двух детей: сына Сергея (1963, кинооператор, г. Москва) и дочь Анну (1967-1990). В 1963 году семья переехала в Пензу-19. Через два года Алевтина Прокофьевна поступила помощником эпидемиолога в санэпидстанцию при МСЧ № 59. Заведующая эпидотделом Мария Александровна Андрюшова стала для Алевтины Прокофьевны главным наставником.

В 1986 году на медсанчасть пришел приказ из 3-го Главного Управления - командировать с 2 сентября по 2 октября 1986 года одного сотрудника СЭС в МСЧ-126 для осуществления санитарного надзора за объектами в местах размещения работающих на Чернобыльской АЭС.

«Как сейчас помню этот день, - говорит Алевтина Прокофьевна. Главный санитарный врач СЭС МСЧ № 59 Петр Петрович Мельяченко вызвал нас к себе в кабинет и поставил перед фактом: «Надо ехать! Желающие есть?». Он дал мне время подумать, и я согласилась. 30 августа я вылетела самолетом в Киев и прибыла в медсанчасть № 126. Оттуда машиной я была отправлена в вахтовый поселок «Страхолесье», расположенный в каютах плавучей базы «Белые пароходы», что на Днепре. Моему взгляду открылись 15 кораблей, бывшие туристические, от каждой республики по одному. Нам с дезинфектором из Смоленска выделили каюту на корабле «Россия» и выдали талоны на питание. Все питание для командированных работников было бесплатным, очень калорийным с обилием овощей и фруктов. На палубах всех кораблей в полиэтиленовых мешках висела использованная радиоактивная одежда. К мешкам было запрещено прикасаться. Ходить разрешалось только по мокрому деревянному настилу. Оказывается, к тому времени еще не был налажен процесс утилизации использованной спецодежды. На журнальном столике закрытой палубы корабля лежала куча писем. Все жители Припяти к тому времени были эвакуированы, а письма всё приходили и приходили, и не находили своего адресата. Глядя на эти письма, меня внезапно пронзила душевная боль, а за ней пришло осознание масштаба произошедшей катастрофы. Санэидемстанция находилась в деревянном вагончике, расположенном на суше. Верхний слой земли вдоль берега Днепра в радиусе приблизительно 500 квадратных метров был снят. Нам было запрещено ходить без спецодежды и головного убора. Из окон СЭС была видна деревня, и нас поражали сады с большими красными яблоками, рвать которые - было запрещено. Не разрешалось ловить рыбу. Мимо бродили больные, словно пришибленные, собаки, они не лаяли на нас и не огрызались.

Моя работа заключалась в следующем: санитарно-эпидемиологический надзор за

столовыми, расположенными на пятнадцати кораблях. Работали мы без выходных по 12 часов в сутки. Ежедневно три раза в день я проверяла санитарное состояние столовых: правила мытья посуды, соблюдение товарного соседства, дезинфекционный режим, технологию приготовления пищи, проводила забор смывов с посуды на наличие кишечной палочки, осуществляла забор готовых продуктов и питьевой воды на микробиологическое исследование. Наша работа строго контролировалась соответствующими специалистами: главным врачом СЭС МСЧ № 59 П. П. Мельяченко, санитарным врачом из Министерства здравоохранения СССР Д. Э. Сегалем и главным врачом СЭС МСЧ-126 В. П. Девятовым. Такой строгий государственный контроль медработников санитарной службы, работавших в 30-ти километровой зоне, был направлен на профилактику и недопущение пищевых отравлений и инфекционных заболеваний среди ликвидаторов. Официально мой рабочий день начинался в восемь утра, но на практике все оказалось иначе. Три-четыре раза в неделю в пять утра и в двадцать два часа вечера я проверяла столовые всех пятнадцати кораблей на наличие остатков пищи от предыдущего дня. Их в столовой не должно было быть. Меня поразил тот факт, что для мытья посуды персонал столовых использовал капроновые чулки, которые невозможно было продезинфицировать. Это было серьезное нарушение САНПИНа. Я порекомендовала им использовать для мытья посуды ветошь из вафельных полотенец, что было незамедлительно выполнено. В основном все сотрудники столовых работали добросовестно, и грубых нарушений не было.

Покидать территорию вахтового поселка мы не имели права. Не было возможности позвонить родным. Мы были полностью изолированы от внешнего мира. Два раза мы с коллегой посетили кинотеатр на колесах.

[redacted]ЭС